

Мария Степанова

* * *

Хру-сталь. Стек-ло. Фар-фор. Фа-янс.
Не задевать. Не кантовать.
Семейное имение пошло в последний пляс:
Трельяж. Диван. Кровать.

Где было место свято, там стало место лысо.
Извозчики и грузчики прогулки заждались.

На руках, в черновиках,
По коробкам, в ящиках,
В бережёных черепках
И уральских ящерках,

В глаженных, залёжанных,
С жёлтым-кружевом
Наволочках сложенных.
То-то заживём! –

Не моё приданое,
Родовое, давное.

Сковорода, сковорода, за скороваркой самовар
Теряют плоть, теряют жар, переезжают навсегда,
Меняют вес – со мной и без.

Тут был сирень. Тут был мигрень.
Селедчатые тополя
Висели косо, набекрень,
И пухом им была земля,
Шурум-бурум, бала-бала,
Вступай, не-я, где я была.

А я – иди, где буду я,
Как занавеска драная,
Светить сплошными дырами
Между двумя квартирами,
Не ветхим рубищем –
Нарядом будничным:
Между живущим будущим
И прошлым любящим.

Владимир Гандельсман

* * *

...так осенью проехать мимо школы
своей, так под лопаткою укол, и
так очередь дрожит в медкабинет
эмалевый, так дни перед осмотром
с желтеющей листвой, с карминным кортом,
с тоской дистиллированной тех лет,

так пахнет, проступая из тумана,
сад осени больницей Эрисмана,
так гулко осыпается трамвай,
так розовых солдат плывет колонна,
как в ауре, в парах одеколона,
Патрокл, Агамемнон, Менелай,

так хочется запоем, жизнь приблизив,
все перечислить, смыслом не унизив,
так города избыточен размах
вернувшемуся с дачи, так хватает
он воздух из такси, и так не знает,
зачем он возвращается в слезах...